

Н. Н. Воробьева, Сравнительные конструкции в мордовских языках (микрополе равенства функционально-семантического поля сравнения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1987.

1 июня 1987 г. в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации Н. Н. Воробьевой «Сравнительные конструкции в мордовских языках» (научный руководитель — кандидат филологических наук А. П. Феоктистов). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Д. Т. Надькин и кандидат филологических наук М. В. Мосин.

Одна из назревших задач мордовского языкознания — создание функциональной грамматики мордовских языков, которая позволит по-новому оценить набор формообразовательных, лексических и других языковых средств, обеспечивающих обслуживание различных семантических полей, взаимодействие этих средств, возможности систем адекватно отражать раскрывающуюся перед человеком в бесконечном многообразии отношений единую картину мира.

Исследователи мордовских языков так или иначе подступают к проблеме. В этом отношении определенный интерес представляют работы сопоставительного характера (например, Н. И. Рузанкина, В. И. Щанкиной, Е. Н. Лисиной). Следует заметить, что Н. Н. Воробьева, к сожалению, при постановке темы и формулировке исходных позиций обошла эти работы вниманием. В остальном, что касается методологии, общетеоретических основ работы, обоснования темы и методики исследования, а также истории изучения проблемы, она объективна и корректна.

В результате систематизации большого материала, извлеченного из произведений устного народного творчества, художественной литературы, периодической печати мокшанского и эрзянского языков, автору удалось 1) выделить три субкатегории сравнения: образное, условное и предметно-логическое; 2) определить формальный состав, семантическую структуру и синтаксические функции сравнитель-

ных конструкций. Методы изучения поставленных проблем отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен, что придает достоверность исследованию.

Объем работы — 157 машинописных страниц: она состоит из оглавления, введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка условных сокращений.

В довольно обширном введении (с. 5—30) определяется тема, формулируются цели, задачи и методы исследования, обосновываются его актуальность, теоретическая и практическая значимость. Здесь же дается краткий анализ истории, методов и теории изучения категории сравнения.

В разделе «История изучения категории сравнения» сделан подробный обзор исследований по данной категории в финно-угорских языках. К сожалению, не ясна позиция автора в оценке использованных в этих исследованиях приемов анализа. Например, из краткого описания работ мордовских исследователей, касающихся отдельных вопросов категории сравнения, трудно установить степень изученности поставленной в них проблемы.

Ключевым для всего исследования является третий параграф введения — «Теория сравнения. Основные семантические и формальные типы сравнения в мордовских языках». Сущность концепции Н. Н. Воробьевой заключается в следующем. Сравнение со стороны семантической организации есть трехкомпонентная структура, состоящая из предмета, образа и основания сравнения. Есть два семантических типа сравнения: 1) отождествление предметов в качественном и количественном (по выделяемому качеству) отношении; это микрополе равенства функционально-семантического поля сравнения; 2) при тождестве выделяемого качества указывается на нетождественность количества этого качества; это микрополе неравенства функционально-семантического поля сравнения. Предметом исследования впервые в мордовском языкознании слу-

жат сравнительные конструкции, функционирующие в первом микрополе сравнения.

По соотносительности маркера к той или иной грамматической категории выделяются три разновидности сравнительных конструкций: а) падежные, б) послеложные, в) союзные. Они-то и рассмотрены в соответствующих трех главах работы.

Не оспаривая избранный автором подход к материалу, к главному его слою, отметим, что, на наш взгляд, на решающем этапе этого подхода функциональный аспект чуть было не оказался подмененным описательным. Не логичнее ли в контексте выбранной методики рассматривать субкатегории микрополя равенства, как образное, условное и предметно-логическое сравнения, по отдельным главам, идя от семантического поля или его фрагментов к языковым средствам? Тогда, возможно, немаркированные сравнительные конструкции не оказались бы в тени. С какими субкатегориями микрополя связаны немаркированные сравнительные конструкции — неясно.

Впрочем, избранный Воробьевой путь оказался продуктивным и привел ее к хорошим результатам в плане не только описания маркеров сравнения по их категориальной принадлежности, но и выяснения их функциональной связи с субкатегориями семантического поля. К важнейшим результатам можно отнести четкое описание компаративных единиц, связанных с каждой субкатегорией семантического поля. Кстати, именно эти положения выделены и в заключении.

Первая глава «Падежные сравнительные конструкции» (с. 31—56) состоит из двух разделов. В них дается количественная и качественная характеристика сравнительных конструкций, представленных в форме транслатива и компаратива. Разделы имеют одинаковую схему: а) образование и семантика падежа, б) анализ исследования падежа, в) функционирование падежа.

Учитывая различные этимологии форманта транслатива *-ks*, автор придерживается более достоверной точки зрения Л. Хакулинен, К. Е. Майтинской, Г. И. Ермушкина, считающих его результатом слияния двух латинских суффиксов **-k* и **-s*. При анализе исследований, затрагивающих вопрос о значении транслатива,

Н. Н. Воробьева справедливо отмечает, что транслатив не рассматривался как падеж, передающий сравнительные отношения. Он классифицировался то как превратительный предикативный, то как превратительный способа действия, то как превратительный определительный, хотя во всех выявленных значениях, как она отмечает, проявляется большая нагрузка сравнительных отношений.

Весьма обстоятельно написан раздел, в котором раскрывается функциональная сущность транслатива сравнения. На конкретных примерах показана поясняющая функция имени в транслативе. Обнаруживается, что имя в транслативе поясняет такие члены предложения, как простое глагольное сказуемое, составное глагольное сказуемое, глагольную связку составного именного сказуемого, определение, обстоятельство образа (способа) действия. При этом транслатив в предложении может выполнять функцию обстоятельства образа действия, определения и сказуемого. В зависимости от характера данной функции между транслативом и определяемым им членом предложения устанавливаются грамматические отношения, среди которых автор выделяет предикативные, атрибутивные и релятивные.

Раскрывая семантическую природу сравнительных конструкций транслатива, Н. Н. Воробьева отмечает, что в них имя выполняет семантическую функцию сравнения, а определяемый им член является признаком сравнения. Исходя из того, какой признак служит основанием для сравнения, определяются 1) сравнение по качеству: *Ковось ащесь тейняня тарвазкс менельса* 'Месяц висел в небе узким серпом' (с. 40); 2) сравнение по функции или действию: *Сяс тя кулясь оржа сардокс пезсь седиезонза* 'Поэтому эта новость вонзилась в его сердце как острая заноза' (с. 42).

Тщательное рассмотрение языкового материала позволило Н. Н. Воробьевой установить такие дифференциальные признаки компаратива, как значение сравнения и значение приближения. Правомерно отмечено, что существительные, обозначающие единицу измерения, — количественные числительные, количественные наречия, обобщенно-количественные местоимения в форме компаратива — выражают не сравнение, а значение прибли-

тельного счета и меры: *Велентень кадовсь молемс пель вайгельбешка 'До села осталось пройти с полкилометра'* (с. 46); *Тов марто мешоктень удалдо мусь аламошка сор, олго сюват 'За мешком муки он нашел немного мусора и мякины'* (с. 47).

Наряду с общими функциями пояснения конструкции с транслативом и компаративом имеют различающие признаки. В отличие от конструкций с транслативом, где в функции определяемого члена всегда выступает основание сравнения, в конструкциях с компаративом определяемым членом является предмет сравнения. При анализе аналитических конструкций автор приводит некоторые соответствия из коми, удмуртского и финского языков. Следует заметить, что глава была бы убедительнее, если бы сравнительный материал из родственных языков использовался и в других случаях.

Во второй главе «Послеложные сравнительные конструкции» (с. 67—84) описываются сравнительные конструкции, образованные посредством послелогов со сравнительной семантикой (*кодяма / кондямо* 'наподобие, подобно, как', *лаца / ладсо* 'наподобие, подобно, как', *эйшка / эйшка* 'величиной с...'). Она состоит из трех разделов, построенных по идентичной схеме: 1) анализ формальной репрезентации компаративной группы с послелогом; 2) функционирование послеложной группы в составе сравнительной конструкции. Автор, ссылаясь на имеющиеся исследования, начинает с кратких сведений об этимологии послелогов. По мнению Н. Н. Воробьевой, *кодяма / кондямо* восходит к финно-угорскому местоименному корню **ко-* и в мордовских языках имел первоначальную форму **kondama* (с. 57). Приводится и точка зрения П. С. Кудяева, который возводит данный послелог к местоимению *кодама / кодамо* 'какой'. На наш взгляд, этимологически более достоверно как источник финно-угорское слово **kunta* 'род', откуда мокш. *koñ da, kuñ da* 'друг, товарищ' (SKES 238).

В результате детального анализа семантической структуры всех разновидностей конструкций с послелогом *лаца / ладсо* выделены следующие компаративные группы: именные, наречийные, адъективные и деепричастные, входящие в кон-

струкций с условным сравнением; наречийные и адъективные, формирующие конструкции с предметно-логическим и условным сравнением; именные группы, формирующие конструкции с образным сравнением. При выявлении общих и отличительных признаков функционирования конструкций с *кодяма / кондямо* и *лаца / ладсо* Н. Н. Воробьева отмечает, что в функции сказуемого и определения послеложные группы синонимичны и потому взаимозаменяемы. Однако, по мнению рецензентов, это свойственно только мокшанскому языку, в эрзянском же послелоги *ладсо* и *кондямо* не являются абсолютными синонимами. Кстати, и автор приводит только мокшанские примеры.

В третьей главе «Союзные сравнительные конструкции» (с. 85—130) раскрыта роль союзов *бта / будто* 'словно, будто', *кода* 'как, будто, словно', мокш. *прокс* 'совсем как...', эрз. *прок* 'будто, как', теке 'словно, будто, как', служащих одним из средств выражения сравнительных отношений в мордовских языках. Как и в предыдущих главах, изложение материала начинается с этимологического экскурса. В результате новое объяснение получил союз *прокс / прок*. Нельзя не согласиться с аргументированным доказательством индоевропейского происхождения данного союза, вопреки мнению М. Е. Евсевьева и И. С. Бузакова, считавших его исконно мордовским. Однако, на наш взгляд, не убедительно рассуждение автора относительно пути проникновения союза *прок* в эрзянский язык. Н. Н. Воробьева, исходя из семантики рус. *впрок* 'навсегда, навсегда' или диал. 'совсем, окончательно', считает, что этот союз попал в эрзянский язык через мокшанский, в котором первоначально встречался в районах расселения мокши, граничащих с Пензенской областью. Возникает вопрос: каким же образом союз *прок* попал в северные диалекты эрзянского языка, по своему географическому положению заметно отдаленные от мокшанского языка и находящиеся исторически в более древнем и близком контакте с русским населением? Автор почему-то забывает об эрзянском наречии *допрок* 'совсем', учет которого должен внести коррективы в решение данного вопроса. Вероятнее всего, *прокс / прок* следует считать самостоятельным заимствованием

как в мокшанском, так и в эрзянском языке.

Основным достоинством рассматриваемой главы является обстоятельный анализ формальной репрезентации компаративных групп, образованных посредством выделенных союзов, и подробное описание их синтаксических функций. В результате автору удалось установить возможность союзов вступать в связь со словоформами, принадлежащими к той или иной лексико-грамматической категории, выявить типы сравнительных конструкций, передающие образное, условное и предметно-логическое сравнение.

Приступая к замечаниям, хотелось бы подчеркнуть, что они не определяют значимость выполненного исследования.

Не все ясно с субкатегорией условного сравнения. В частности: всегда ли сравнительный союз в пределах условного сравнения трансформируется в компаративную частицу?

Думается, что не все отнесенное автором к условному сравнению действительно к нему относится. Конструкции типа *вайгелезэ гайгсь, прок одирьванть* 'голос ее звенел как у невесты-той'; *чамазо якстергадсь, прок виздиця тейтерькань* 'лицо его покраснело, как у стеснительной девочки'; *чамазо чоподадь, прок цыганонь* 'лицо его было темным, как у цыгана' отнесены к условному ошибочно. Здесь наличие трехкомпонентности и лексико-грамматическая параллель: полный текст предполагает *вайгелезэ гайгсь, прок одирьванть вайгелезэ* 'голос ее звучал, как у невесты-той голос' и т. д.

Не всегда достаточно полно представлен эрзянский материал, в его репрезентации и толковании допускаются неточности, например: с. 58: эрз. *эзда, эйкс* нет; с. 111: текст распространен на порэзянски (*сардыне* 'маленький лось', *сярдынеть* 'маленькие лоси или твой маленький лось, твои маленькие лоси' — ни одно из значений не подходит; речь идет о костре, который нужно зажечь); с. 126: неверный перевод (*Кортат, теке целковойтень плестяшь минек кузницясо* 'Говоришь так, будто целковые отчеканил в нашей кузнице'. Нужно: '... чеканят...') ведет к неправильной интерпретации: *теке* плюс предикативная группа (вместо *теке* плюс неопределенно-личное предложение).

Иногда эрзянский материал не учитывается, например: диалектные компаративные послелогои *корямо* (= *кондямо*), *корякс* (= *кондякс*) как единицы микрополя равенства (с. 58); обобщенно-качественные местоимения *истяшка, кодашка* (с. 49) 'такой по величине, какой по величине', отглагольные причастные образования со сложным суффиксом *-вишка-, -викс*, соответствующие мокшанским образованиям с суффиксом *-мшка* (с. 46).

Некоторые выводы представляются недостаточно обоснованными, например: «Сочетание послелога *эйшка / эйшка* с местоимениями затрагивает только область собственно-личных местоимений» (с. 80). А как же *кинь эйшка* 'с кого величиной', *эсьень эйшка* 'с меня самого величиной' и др.? «Прилагательные и числительные с послелогоми *кондямо / кодяма, эйшка / зшка* не сочетаются» (с. 83, Таблица). Это слишком категорично — при актуальной субстантивации такие сочетания обычны: *омбоцень кондямо (эйшка)* 'как второй', *меленсень кондямо (эйшка)* 'как прошлогодний-тот'.

Встречаются неточности в идентификации, толковании фактов языка, например: с. 37—38: транслативные формы в составе атрибутивных групп типа *Курцякс мендявозь Стропилкин* 'Как коромысло согнутый Стропилкин' без оговорок толкуются как определения, а аналогичные формы в предикативных группах (*Щека бокатне палыть кумацекс* 'Щеки горят кумачом') — как обстоятельства. Но что меняется по существу при трансформации одних в другие? (ср. *Стропилкин мендявь курцякс* 'Стропилкин согнулся, как коромысло'; *Кумацекс палыть щека бокатне* 'Кумачом горят щеки'). Видимо, пояснять определение не означает быть определением; с. 68—71: *ладсо* в составе *икеле ладсо* 'как раньше', *згилязь ладсо* 'вроде насмехаясь' квалифицируется как послелог. Очевидно, это компаративная частица; с. 74: *лацонзо* 'как он' квалифицировать как послеложную группу не вполне корректно; здесь же верное положение о том, что именная часть предиката, выступающая в качестве основания сравнения, может выражаться субстантивированной формой прилагательного, числительного и др. частей речи, не подтверждается примерами; с. 98: компаративная группа

кода *лиятнеяк* 'как и другие' обобщается как союз *кода* плюс местоимение. Но здесь налицо и частица *-як*; с. 114: *одирьвантъ*, (виздича) *тейтерькантъ* — формы существительных, а не прилагательные.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемая работа — это серьезное, глубокое исследование, знаменующее новый аспект в изучении мордовских языков. Основные ее положения

будут несомненно использованы исследователями других финно-угорских языков при типологической характеристике соответствующих проблем. Результаты работы применимы и в преподавании мордовских языков, а также при составлении учебников и учебных пособий для высших учебных заведений и школ Мордовии.

Д. Т. НАДЬКИН, М. В. МОСИН
(Саранск)

А. С. Ефремов, Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1986.

12 марта 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации А. С. Ефремова «Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора)». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора П. Аристе. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук М. В. Мосин (Саранск).

В последние три десятилетия марийская лингвистическая наука характеризуется весьма интенсивным развитием. Между тем на разных уровнях марийского языка до сих пор остается много проблем, требующих неотложного решения. Одному из уязвимых с точки зрения устойчивости разделов лексики — ономастологии — посвящена рецензируемая работа: флористическая терминология до сих пор специально не рассматривалась.

Актуальность исследования А. С. Ефремова вызвана следующими обстоятельствами. Во-первых, ботанические названия исчезают или заменяются новыми значительно быстрее других тематических групп, что создает возможность исчезновения фактов и явлений, свидетельствующих об особенностях формирования и исторического развития лексической системы языка, об истории материальной и духовной культуры его носителей. Во-вторых, без глубокого лингвистического анализа те-

матической группы, представляющей составную часть лексической системы отдельного языка, невозможно успешное сравнительно-историческое исследование развития лексики как родственных, так и контактирующих языков. Причиной исчезновения исконных флористических терминов является не только замена их новыми названиями или процесс стирания диалектных особенностей в результате интенсивного развития литературного языка, как справедливо отмечает автор, но и исчезновение самих реалий флоры в связи с явлениями, происходящими в окружающей нас среде.

Прежде всего следует отметить большую работу А. С. Ефремова по сбору ценнейшего лексического материала, которая проводилась в более чем 50 пунктах с марийским населением в течение нескольких лет. Заслуживает одобрения социологическое исследование, проведенное автором в полевых условиях, с целью выяснения тенденции к сохранности фитонимов в памяти разных возрастных групп населения. Данные таблицы показывают следующее соотношение знаний фитонимов: носители языка до 18 лет — на 50%, с 18 до 55 лет — на 74%, с 55 лет и старше — на 90%.

Автор поставил перед собой следующие задачи: 1) систематизировать и идентифицировать собранные им марийские названия растений; 2) критически пересмотреть и обобщить разбросанные по разным лингвистическим источникам этимологии названий растений; 3) дать новые этимоло-